

Рис. 9. Терпение: с надеждой или без ("Как Вы думаете, принесут ли эти перемены, которые породили столько трудностей, рано или поздно положительные результаты большинству людей?") (в % от общего числа опрошенных)

В 1992 г. за новую власть уверенно высказывались 8% опрошенных, в 2001 г. — 13%. Главное изменение произошло в той части уступчивых россиян, которые готовы одобрить как старый, так и новый режим. В 1992 г. подобное мнение высказывали только 7% опрошенных, а к 2001 г. они составили вторую по численности группу — 33%.

Выносливость и терпение. Временные рамки в России сильно отличаются от тех, которые связывают с немедленным результатом получения вознаграждения потребительских обществ или от тех кропотливых расчетов студентов-медиков, которые берут кредит на оплату обучения. В России испокон веков существует традиция выносливости и терпения, молчаливого перенесения трудностей, и нет уверенности в том, что ныне живущее поколение избавится от этого*. Революционеры, подобные Ленину, ждали по четверть столетия, чтобы увидеть плоды своих трудов. Могушество советского государства приучило к терпению и Запад. В советские времена был популярен анекдот о человеке, обсуждающем с телефонной компанией сроки установки телефона в его доме. Дату назначают на 17 марта через пять лет. "До или после обеда?" — спрашивает заявитель. "Какая разница?" — раздражается чиновник. "Большая! Днем я уже получу машину".

Последнее десятилетие жизни в Российской Федерации тоже потребовало от граждан терпения в ожидании ответа на вопросы: сбудутся ли наконец их мечты и когда это произойдет? В 1993 г. на вопрос о том, когда они надеются достичь желаемого уровня жизни, 50% респондентов затруднились с ответом; 25% составили оптимисты, которые надеялись, что это произойдет в течение десяти лет; 25% же выразили опасение, что этого не случится никогда. К 2001 г. доля оптимистов, ожидающих решения своих проблем в течение ближайших десяти лет, выросла до 36%, такое же число респондентов затруднились с от-

* Rose R. How Patient Are People in Post-Communist Societies? // World Affairs. 1997. Vol. 159. N 3. P. 130-144.

ветом. Оставшиеся 28% оказались пессимистами. Когда надежды на улучшение экономического положения граждан России не оправдываются, они просто отодвигают сроки ожидания этого на 2010 г. или еще на более отдаленную перспективу.

Опыт последнего десятилетия показывает, на какой зыбкой почве строились надежды "большевиков-рыночников" на скорое превращение России в рыночную страну, а также мечты "большевиков-демократов", рассчитывавших на беспрепятственное внедрение полной демократии. В своей прощальной речи президент Б.Ельцин извинился перед гражданами страны за то, что реформы проводились такой высокой ценой и что выгоды от этих преобразований проявлялись не столь быстро, как хотелось бы. В своей инаугурационной речи В.Путин предостерег сограждан от ожидания стремительных перемен.

Однако россияне не оставляют надежд. На вопрос, заданный в 2001 г., о сроках, когда можно ожидать позитивных последствий от реформ для тех, кто пострадал более других в ходе их проведения, лишь немногие ответили, что такие времена не наступят никогда (рис. 9). Немного оказалось и тех, кто считал, что результаты от проводимых реформ можно ожидать в ближайшие пять лет; каждый пятый надеялся насладиться их плодами через десять лет, т.е. в 2011 г. Большинство же сохраняют терпение трех чеховских сестер и надеются, что это произойдет хоть когда-нибудь.

Перевод А.Леоновой

Андрей ЗДРАВОМЫСЛОВ

Насилие в повседневной жизни*

Организация опроса. В конце 2001 г. — начале 2002 г. общественная организация "Женщины Дона" провела опрос чеченских женщин. Всего опрошенных — 257 человек. В качестве интервьюеров выступали постоянные и временные сотрудники, работающие в названной организации. Опрашивались женщины, проживающие в нескольких лагерях вынужденных переселенцев на территории Ингушетии (Аки-Юрт, Карабулак, Орджоникидзеvская) и Чечни (Грозный и Рошни-Чу), что в значительной мере предопределяет общее умонастроение респондентов.

В этих лагерях сосредоточены женщины и их семьи, в наибольшей степени пострадавшие от продолжающихся вооруженных действий на территории Чеченской Республики. Большая часть из них потеряла своих родственников и близких, их собственная жизнь неоднократно оказывалась под угрозой. Непосредственный результат военных действий для них — разрушение жилья и утрата ими постоянного места жительства, потеря имущества, работы и социального статуса, а самое главное — нет уверенности в каком-либо положительном исходе из сложившейся ситуации.

Поэтому ответы респондентов не могут быть интерпретированы как представительные (репрезентативные) для всего населения Чеченской Республики. Это ответы тех,

* Аналитический доклад подготовлен в рамках проекта РГНФ "Напряженность, конфликт, насилие в Северо-Кавказском регионе: макропроцессы и повседневность" (грант № 08-03-00338а). Опрос на тему "Чеченские женщины в вооруженном конфликте 1994-2000 гг." проведен с октября 2001 г. по февраль 2002 г. Союзом "Женщины Дона" (руководитель В.И.Череватенко) при финансовой поддержке Комитета программы по Глобальной безопасности и сотрудничеству совета по исследованиям в области социологии (SSRC).

кто пострадал от военных действий в наибольшей степени. В то же время при интерпретации ответов нельзя не принимать во внимание и того, что практически все население Чечни: женщины и мужчины, старики и дети оказались жертвами вооруженного конфликта. Так или иначе они терпели лишения и страдали как от действий федеральных войск, так и от боевиков, сепаратистов и экстремистов. Население Чечни в целом, в том числе и русские, проживавшие в республике до 1995 г., так же стало заложником военных действий, смысл которых остался неясным для подавляющего большинства жителей.

Наиболее распространенное объяснение причин вооруженного конфликта состоит в том, что какие-то группы людей, борющиеся между собой за власть, используют войну в качестве средства наживы для себя. При этом одни из них прикрываются идеями независимости, религиозной свободы, создания исламского государства, а другие — идеями целостности российского государства. Общее мнение сводится к тому, что между этими как бы противоположными группировками существует негласный союз: ведение военных действий продолжает давать прибыль криминальным группировкам. Источники данной наживы достаточно хорошо известны — это поставки вооружений, разграбление республиканских ресурсов, захват и выкуп заложников, организация торговли наркотиками, контроль за передвижением населения через блок-посты и т.д.

В целом население Чечни оказалось в ситуации полной беззащитности и несправедливости. Мало того, что продолжение военных действий еженедельно уносит десятки жизней. Одним из главных следствий войны стало разрушение инфраструктуры экономической и социальной жизни. Перестали работать промышленные предприятия, школы, больницы. Попытки наладить нормальную жизнь, предпринимаемые на протяжении последних двух лет, натываются на огромные трудности, в том числе и на недоверие населения к намерениям новых властных структур обеспечить людям нормальную жизнь.

При интерпретации результатов опросов следует учесть и то, что в лагерях вынужденных переселенцев формируется определенная субкультура, которая связана с переживанием несправедливости, утратой привычного образа жизни, с отсутствием постоянной занятости, заботой о детях, стариках и нетрудоспособной части населения, с получением гуманитарной помощи, с постоянной озбоченностью по поводу добычи продуктов питания, одежды, обеспечения медицинской помощью и т.д. Люди живут здесь в палатках и вагончиках не по своей воле. Эти лагеря представляют собой места вынужденного проживания, а следовательно, в них как бы продолжается принуждение и насилие. Все это определяет повседневный быт респондентов и их настроения. Участие в опросе, которое оказалось весьма активным, воспринималось женщинами как возможность высказаться и "излить душу" тем, кто готов был их выслушать. Рутинная жизнь в лагере беженцев не предоставляет особых возможностей общения. Те, кто обеспечивают эту жизнь повседневно, уже привыкли и притерпелись к виду несчастья. Появление новых людей всегда вызывает некоторые надежды на то, что к беженцам и их семьям будет проявлено большее внимание.

Беженцы, сосредоточенные в тех пяти лагерях, где проводился опрос, неравномерно (непропорционально) представляют основные районы республики. Так, Надтеречные районы сравнительно меньше пострадали от военных действий, но столица республики — Грозный — относится к числу наиболее пострадавших регионов.

Пережитое насилие как главная составляющая опыта. Прежде всего обратим внимание на то, как в данном опросе проявилось отношение к насилию, которое в извест-

ной степени может быть отождествлено с самой войной, разрушающей мирные основы человеческого бытия.

В анкете ставились два вопроса: "Были ли, по Вашему мнению, массовые насилия над мирным населением в "первую чеченскую войну?" Такой же вопрос был задан и относительно второй чеченской войны. Положительно отвечают на этот вопрос от 86 до 92% от числа ответивших, при этом отказ от ответа встречается весьма редко — от 1,5 до 3,5%. По сути, среди наших респондентов имеется почти полное согласие в том, что на обоих этапах военных действий именно мирное население подвергалось насилию. Важно отметить, что доля указывающих на насилие по отношению к мирному населению несколько возросла при оценке второго этапа военных действий. Некоторые респонденты отмечают, что "на первом этапе военных действий пострадавших было меньше, чем на втором".

На вопрос о том, сталкивались ли опрошиваемые лично с насилием в тех или иных формах, 86% ответили положительно и только 13% от общего числа респондентов сказали, что они лично не сталкивались с насилием в ходе вооруженного конфликта.

Из всей совокупности опрошенных на то, что в ходе военных действий погибли их родственники, указывали 75%, знакомые и друзья — 84%. На ранения родственников указали 56%, на ранения знакомых и друзей — 62%. На инвалидность или серьезное заболевание родственников, знакомых и друзей обращали внимание 47% опрошенных.

Очень велика и доля тех, кто пропал без вести. 42% опрошенных отмечали, что это случилось с их родственниками и 77% — со знакомыми и друзьями.

Причем у подавляющего большинства респондентов (около 90%) оказывалась под угрозой сама жизнь. При этом разница между первым (1994-1996 гг.) и вторым (1999-2002 гг.) периодами военных действий в Чечне не наблюдается. В том и другом случае 88 и 89% от числа опрошенных отмечают, что их жизнь оказывалась под угрозой.

В ходе опроса были выделены конкретные формы насилия, относительно которых задавался вопрос. Приведем частоту форм насилия, испытанных лично респондентами (в % от общего числа опрошенных):

Форма насилия	%
Унижение человеческого достоинства	60
Мародерство	39
Ограбление	38
Оскорбления и угрозы	32
Поборы	31
Пропажу людей без вести	13
Необоснованные аресты	12
Насилие над чеченскими детьми	9
Избиения	8
Убийства	6
Нанесение телесных увечий и пытки	5
Взятие в заложники	3
Сексуальное насилие	2

В анкете этот же вопрос ставился по-другому: "Видели ли эти ситуации респондентки собственными глазами?"

На первое место здесь выступают избиения и необоснованные аресты (по 53%). Нанесение телесных увечий наблюдали 50% респондентов.

От 40 до 50% респондентов были свидетельницами убийств, оскорблений и угроз, унижений человеческого достоинства, мародерства, исчезновения людей. Свидетельницами поборов были 30% респондентов, взятия людей в заложники и насилия над чеченскими детьми — 22-24%. Почти каждая десятая из опрошенных отмечала, что она видела своими глазами ситуации сексуального на-

силія. Кроме того, от 2 до 20% респонденток по каждой из ситуаций говорили, что они слышали о таких случаях от людей, которым они доверяют.

К вопросам о пострадавших среди родственников и друзей респондентки по своей инициативе сделали множество приписок следующего содержания:

"В поселке Алды ФСБ издевались над женщинами, стариками, детьми. Убивали жену, мать, свекра прямо в одном дворе. Чтобы понять, надо видеть такое".

"У моей подруги убили отца и мать. Убили ни за что, просто стоящих на улице. Она хоронила только кости, а также останки русских соседей, которые жили под одной крышей".

"Погибло пять родственников, четверо пропали без вести, ранение получили многие, шесть друзей стали инвалидами".

"В 1996 году, не доезжая 15-го отдела, убили и сожгли брата моего мужа, нашли ворот от рубашки и один туфель. Труп был неузнаваемым, их сожгли в машине. В 1999 году начались бомбежки, и сразу парализовало свекровь. Она пролежала 16 дней и скончалась. Хоронили ее 18 ноября под бомбежкой".

"Погиб отец".

"Погибла дочка".

"Погиб муж".

«Погибли мои ученики, и у меня есть чувство вины за то, что я слишком настойчиво разъясняла понятия "Родина", "честь" и т.д.».

"При зачистке был убит муж".

"Муж умер от туберкулеза из-за бомбежки и жизни в подвале".

"Брат погиб. Пропал дядя. Одну подругу изнасиловали и убили в окружении".

"Увели из дома и нигде не могут найти двух племянников".

Эти ответы раскрывают меру страдания той части населения, которая оказалась непосредственно задетой действиями по наведению порядка. Но это чувство не остается достоянием лишь тех, кто пострадал непосредственно. Оно передается и трансформируется в чеченском обществе, продуцируя цепь дальнейших насильственных действий. Пострадавшие не будут осуждать боевиков, которые хотят отомстить за погибших и поруганных. Равно как и федеральные подразделения на втором этапе войны в значительной мере руководствуются стремлением отомстить за погибших товарищей.

Обратим внимание, что при ответе на вопрос о формах насилия на первое место выходит прежде всего унижение человеческого достоинства. Это свидетельствует о двух важных моментах. Во-первых, о большой значимости личного достоинства человека. Во-вторых, это означает, что операции по поиску боевиков в Чечне осуществляются без должной нравственно-этической подготовки сотрудников милиции, служащих вооруженных сил и других представителей силовых структур. При этом особую ненависть у респонденток вызывают контрактники, в которых чеченские женщины видят воплощение сущего зла.

По мнению опрошенных женщин, контингенту контрактников в массе своей и в индивидуальных их проявлениях присуща грубость, бесцеремонность, постоянные нарушения таких прав личности, как право на неприкосновенность жилища, равно как и других прав, связанных с охраной личного достоинства гражданина России. Весьма характерны рассказы респонденток об эпизодах насилия. Чаще всего это связано с задержанием и допросами подростков. По подозрению в пособничестве боевикам их при малейшей возможности задерживают для допроса. В ходе обыска почти всегда допускаются процедуры, унижающие человеческое достоинство. Мальчиков-подрост-

ков заставляют испытывать чувство беззащитности, о котором они не могут рассказать своим близким. Чаще всего такие эпизоды заканчиваются уходом подростка из дома ради отпущения.

Другой сюжет рассказов — о поисках мужчин, задержанных дома за мирными занятиями и пропавшими после задержания. На поиск этих людей расходуются масса сил и времени. Организуются встречи с разными людьми, которые могут что-то знать о пропавшем. При этом не исключаются и случаи взяток за поставленную информацию. Иногда людей находят, но бывает и так, что обнаруживают их трупы и места поспешного захоронения.

О чувствах враждебности и ожесточенности достаточно красноречиво свидетельствуют ответы на такой вопрос анкеты: "Как Вы относитесь к тому, что женщина берет в руки оружие?" Только 20% не одобряют таких действий, а 65% считают такое поведение оправданным, поскольку "женщина бывает поставлена в ситуацию, когда у нее нет другого выбора".

Антироссийские настроения как результат насилия. Такого рода факты и, главное, восприятие сложившейся ситуации в целом воспроизводят антироссийские и антирусские настроения.

Оценивая деятельность армейских частей в Чеченской Республике, почти 90% от числа опрошенных говорили, что "они сами ведут себя как преступники". 80% избирали суждение "они не столько борются с вооруженными формированиями, сколько мешают наладить мирную жизнь".

И все же 11% выражали согласие с тем, что "армейские части борются с незаконными вооруженными формированиями и положительно относятся к мирному населению, всемерно помогают наладить мирную жизнь". Если учесть реальное положение опрошенных и степень давления на них своей среды и общественного мнения, то следует признать, что эти 11% не такая уж маленькая величина!

Примерно такая же оценка давалась и правоохранительным органам в Чеченской Республике.

Среди наших респонденток около половины в той или иной мере готовы поддерживать позиции сепаратистов: 51% заявили свое несогласие с тем, что Чечня — это неотъемлемая часть Российской Федерации, и только 13% высказали согласие с этим суждением.

Оценивая деятельность членов чеченских вооруженных формирований, 55% полагали, что они ближе всего стоят к чеченскому народу, 10% — что они ближе к исламскому фундаментализму, 5% — к международному терроризму.

Национально-этнические ориентации опрошенных. В анкете задавался вопрос о национальности друзей респонденток. Ответы по этим позициям показывают явную противоречивость установок. С одной стороны, почти 50% заявили, что они не придают значения национальной принадлежности своих друзей. Около 40% отметили, что среди их друзей есть представители разных национальностей. В то же время 20% дружат только с представителями своей национальности.

За дружбу и соседство с представителями других национальностей высказываются 84-88% опрошенных, за отношения родства — 24%, за совместный бизнес — около 70, но в пользу возможных брачно-семейных отношений с представителями других национальностей — только 3%.

От 21 до 28% отмечали, что они сталкивались с поддержкой со стороны русских в ходе первой и второй военных кампаний. 9% опрошенных женщин согласны на то, чтобы их детей взяла бы к себе русская семья, живущая в таком месте, где бы они находились подальше от зоны боевых действий, а 67% готовы сами всей семьей переехать в безопасный район. Одновременно 49% возражали

против передачи детей: чеченские дети должны расти около своих гор, как бы опасно это ни было". 9% высказались за организацию интернатов с преподаванием на чеченском языке. И в то же время 54% полагали, что "русские не первый век пытаются навязать чеченцам непримлемые для них жизненные идеалы и ценности".

О противоречивости национально-этнических установок опрошенных свидетельствует их оценка сложившихся межнациональных отношений в северокавказском регионе. Только 8% из них считают, что эти отношения нормализуются. В 2 раза больше тех, кто полагал, что эти отношения стали критическими. На ухудшение межнациональных отношений в регионе указывали более половины (51%).

Для значительной части чеченских семей их недавнее прошлое связано с депортацией и воспоминаниями о жизни в Казахстане. О том, что их связывает что-то с Казахстаном, говорили 43% (ничего — 20%).

Взгляд в будущее. На открытый вопрос о возможных путях перехода Чечни к мирной жизни ответили почти 50% опрошенных. Однако в содержании ответов преобладало разочарование, сомнение в том, что это возможно. Люди устали ждать и надеяться, надеяться и ждать!

В целом в политических настроениях респонденток преобладало мнение, утвердившееся в результате первого этапа вооруженного конфликта: вывод федеральных войск и переговоры с Масхадовым рассматриваются большинством вынужденных переселенцев как средство нормализации политической ситуации в республике. Иными словами, речь идет о возвращении к ситуации, закрепленной в 1996 г. так называемыми "Хасавюртовскими соглашениями", которые были нарушены радикальным крылом экстремистов, организовавших через три года вооруженное нападение на Республику Дагестан под флагом создания единого исламского государства на Северном Кавказе. Очень небольшое число респонденток ответственность за развязывание второго этапа вооруженного конфликта возлагали персонально на Масхадова, который оказался "слабым президентом".

Обращает на себя внимание и тот факт, что среди опрошенных большим авторитетом пользуется фигура бывшего Председателя Верховного Совета РФ — профессора Руслана Хасбулатова. Фигура же Кадырова не получила поддержки у опрошенных беженцев. Возможно, что эту группу чеченских респонденток вообще отталкивает всякое сотрудничество с федеральными властями. На это можно найти ответ лишь при более углубленной постановке вопроса. И все же 15% из числа респонденток принимают участие в выборах президента РФ в 2000 г.

Весьма знаменательны в этом плане и ответы на вопрос, предлагающий характеристику эмоционального состояния респонденток за последние полгода. В вопросе предлагалось оценить свое состояние с помощью пяти пар альтернативных характеристик (табл. 1).

Таблица 1

**Самооценка эмоционального состояния
вынужденных переселенцев
(в % от общего числа ответивших,
N=257 человек, не дали ответа 7)**

Позитивные эмоции		Негативные эмоции	
Надежда	72	Разочарование	30
Активность	38	Апатия, пассивность	37
Оптимизм	30	Пессимизм	47
Уверенность	14	Неуверенность	68
Удовлетворенность	2	Неудовлетворенность	77

Как видно, эмоциональное состояние крайне противоречивое. Надежда на улучшение явно преобладает над разочарованием. Весьма основательна группа женщин, сохраняющих активность (почти 40%) и даже оптимизм (30%) в этой исключительно сложной ситуации. Очень небольшая группа удовлетворенных, скорее всего, характеризует тех из числа наших респондентов, которые уже возвращаются в места постоянного проживания и собираются покинуть лагерь (таких было семь человек из общего числа опрошенных).

Конечно, подавляющее большинство респондентов связывают свои семейные перспективы с возможностями возвращения в свой прежний дом или, по крайней мере, в свой населенный пункт. Однако у многих нет жилья, а возвращение других связано с тем, что семья была так или иначе вовлечена в конфликт. Например, на прямой вопрос: "Почему Вы не возвращаетесь домой?" — три четверти опрошенных ответили, что "существует угроза жизни мне и моим близким со стороны федеральных войск". В то же время около 20% говорили, что "существует угроза жизни мне и моим близким со стороны вооруженных формирований, противостоящих федеральным войскам".

Одна из главных забот наших респонденток — дети и их будущее. Заметим, что 98% опрошенных, даже находясь в лагере вынужденных переселенцев, говорили о том, что их дети имеют возможность посещать школу. Любопытен и такой показатель: 98% респонденток заявили о том, что они хотели бы, чтобы их дети в совершенстве владели русским языком, и только 1% согласны с тем, что знание русского языка для чеченского ребенка необязательно.

90% мечтали о том, чтобы их дети получили высшее образование. В то же время примерно треть опрошенных говорили о желательности мусульманского образования для своих детей (33% — для мальчиков и 30% — для девочек).

Заключение. Еще раз следует подчеркнуть, что ценность данного материала состоит в том, что он показывает эмоциональное и психологическое состояние женщин, наиболее пострадавших от вооруженного конфликта. Почти 60% говорили о том, что их жилье разрушено полностью, а около 40% указывали на его частичное разрушение. У значительной части в ходе вооруженного конфликта погибли близкие и родственники. Это во многом объясняет проявившиеся в ходе опроса недоверие к центральным и местным властям и разочарование.

Смысл этого материала — указать на болевую точку Российской Федерации, на одну из наиболее острых проблем политического развития как России в целом, так и ее Северо-Кавказского региона.

Материалы опроса позволяют сформулировать несколько предложений в адрес правительства Чеченской Республики, местной администрации, руководства федеральными войсками, правоохранительных органов, правозащитных организаций.

1. На наш взгляд, необходимо более решительно переходить к политике умиротворения по всем направлениям хозяйственной, общественно-политической, правоохранительной деятельности, обратив первостепенное внимание на положение женщин и детей в Чечне и Ингушетии. Необходимо сделать все, чтобы беженцы и вынужденные переселенцы получили определенную перспективу. Речь идет в первую очередь о местах их прежнего проживания — об оценке жилищного фонда в этих населенных пунктах, выделении необходимых средств для его восстановления. Призыв к участию в восстановлении жилищного фонда должен быть обращен ко всем составляющим нынешнего чеченского общества — его мирному населению, рядовым боевикам, чеченской диаспоре в различных

регионах России. В кампании по восстановлению жилищного фонда, коммунального хозяйства должны быть задействованы и средства субъектов Российской Федерации.

2. В этой программе восстановления особое внимание должно быть уделено школам и больницам.

3. Концепцию умиротворения в Чечне необходимо разработать, опираясь на прежний опыт, международное сотрудничество, развитие средств массовой информации. Важно введение в СМИ тематики мирной жизни, разоблачения истоков преступных военных действий, участие в этой кампании общероссийских и северокавказских политиков. Важным шагом могло бы служить решение конституционных органов РФ о разработке нового проекта Конституции республики.

4. Особое внимание должно быть уделено работе среди силовых структур разного профиля. Именно в составе инстанций, координирующих завершение боевых действий, должны быть созданы полномочные органы, разъясняющие смысл использования силовых методов.

5. Необходимо активно продолжать работу по политическому урегулированию чеченского кризиса, вовлекая в эту работу наиболее активные слои населения, которые, как видно из материалов опроса, почти не принимают участия в миротворческих акциях и налаживании мирной жизни.

Наталья БОНДАРЕНКО

Типология личного потребления населения России

Статья вторая

В нашей первой статье описывалась процедура типологизации потребительских групп в России*, следующим шагом в исследовании представляется изучение воспроизводимости во времени структуры потребительских групп и их особенностей. К настоящему времени уже собран достаточный материал для подобного анализа. Замеры по ключевым индикаторам, использованным для типологии личного потребления в 2001 г., проводились также и в 1996 г., и в 2000 г.

Как известно, этот период отличается как самыми благоприятными, так и самыми неблагоприятными обстоятельствами для развития российской экономики. Что же произошло за это время в сфере личного потребления, какие трансформации претерпели различные потребительские группы?

Для решения этой задачи была проведена аналогичная описанной в 2001 г. процедура кластерного анализа с использованием данных 1996 г. В результате было выявлено шесть потребительских групп. Для описания полученных групп, по данным 1996 г., воспользуемся определениями 2001 г. Так же, как и в 2001 г., сами группы 1996 г. можно разместить на относительной шкале "бедность—богатство", принимая за основу координаты центров групп. Центр группы-кластера является средним значением рассматриваемых индикаторов потребления и имущества по группе. Именно по этим центрам можно определить, насколько дифференцированы потребление и имущество по группам-кластерам, и идентифицировать группы по по-

требительскому статусу. Следует отметить, что для большинства групп 1996 г. центры достаточно близки к центрам аналогичных групп 2001 г. (табл. 1). Исключением являются лишь средние группы (группы 3 и 4), в 1996 г. средняя группа (группа 3) не была разделена.

По данным 1996 г., под определение "бедных", скорее всего, подходит первая группа-категория с наиболее низким текущим потреблением и имущественным статусом. Сравнивая результаты 1996 г. и 2001 г., отметим, что именно в этой группе наблюдается минимальное расхождение координат центров. Наиболее вероятно, что описание этой группы образца 1996 г. в большей степени будет совпадать с описанием группы 2001 г. Доля этой группы в общей совокупности выросла с 38% семей в 1996 г. до 44% семей в 2001 г.

Вторая группа наиболее близка к обедневшим семьям. Доля этой группы оказалась существенно меньшей в 2001 г. (в 1996 г. — 23%, а в 2001 г. — 13%).

Третья группа занимала серединную позицию на относительной шкале потребления "бедных—богатых" в 1996 г., эту же роль в 2001 г. играли средняя группа и группа достаточного потребления.

Группы 4 и 5 относятся к наиболее обеспеченным, и для их описания также можно использовать определения 2001 г. — "высокообеспеченные группы" со стратегией накопления и потребления соответственно. Не вызывает сомнения идентификация последней группы как группы "богатых". Ее доля так же, как и в 2001 г., не превышала 4%.

Таким образом, выведенная по данным 2001 г. поляризация потребления "бедных — богатых" могла быть зафиксированной уже в 1996 г.

Проведем более детальное сравнение потребительских групп 1996 г. и 2001 г., чтобы уточнить изменились ли содержательные различия относительной бедности, достатка, богатства.

Начнем с группы *бедных семей*. Следует отметить, что существенных различий в имуществе бедных "образца 1996 года" и "образца 2001 года" не наблюдается. По индикатору имущественного накопления* *имущество* бедных достаточно скудное, наиболее доступным предметом остается телевизор, остальные предметы из списка десяти товаров встречаются лишь в единичных случаях у семей в этой группе (табл. 2). *Структура и масштабы экономики на основных текущих расходах* в бедных семьях не претерпели за рассматриваемый период кардинальных изменений. Лишь несколько улучшилась ситуация с необходимыми расходами на питание. Так, обычные продукты питания, составляющие основу рациона питания большинства российских семей (молоко, яйца, хлеб, мука и т.д.), стали более доступны и для семейного бюджета бедных семей. В 1996 г. среди бедных семей еще наблюдалась существенная экономия и отмечались регулярные отказы от покупок по ряду основных продуктов питания, а именно: муке и макаронным изделиям, крупе, картофелю, растительному маслу, сахару. Но уже в 2001 г. эти товары можно было считать доступными и для бедных семей. В 1996 г. только треть бедных семей могла не ограничивать покупки растительного масла, в 2001 г. — уже две трети. В 1996 г. менее половины семей могли не ограничивать покупки муки, крупы, макаронных изделий, в 2001 г. — уже две трети семей. Однако не уменьшились

* См.: Бондаренко Н. Типология личного потребления населения России // Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены. 2002. № 1. С. 34-44. Процедура формирования потребительских групп, изложенная в названной работе, будет использована нами в дальнейшем анализе.

* Имеется в виду индикатор имущественной наполненности, для построения которого учитывается информация о наличии в семье десяти определенных товаров-индикаторов. О методике расчета и возможности применения этого индикатора см.: Бондаренко Н., Красильникова М. Имущественная дифференциация населения // Мониторинг общественного мнения... 2001. № 3. С. 29-38.